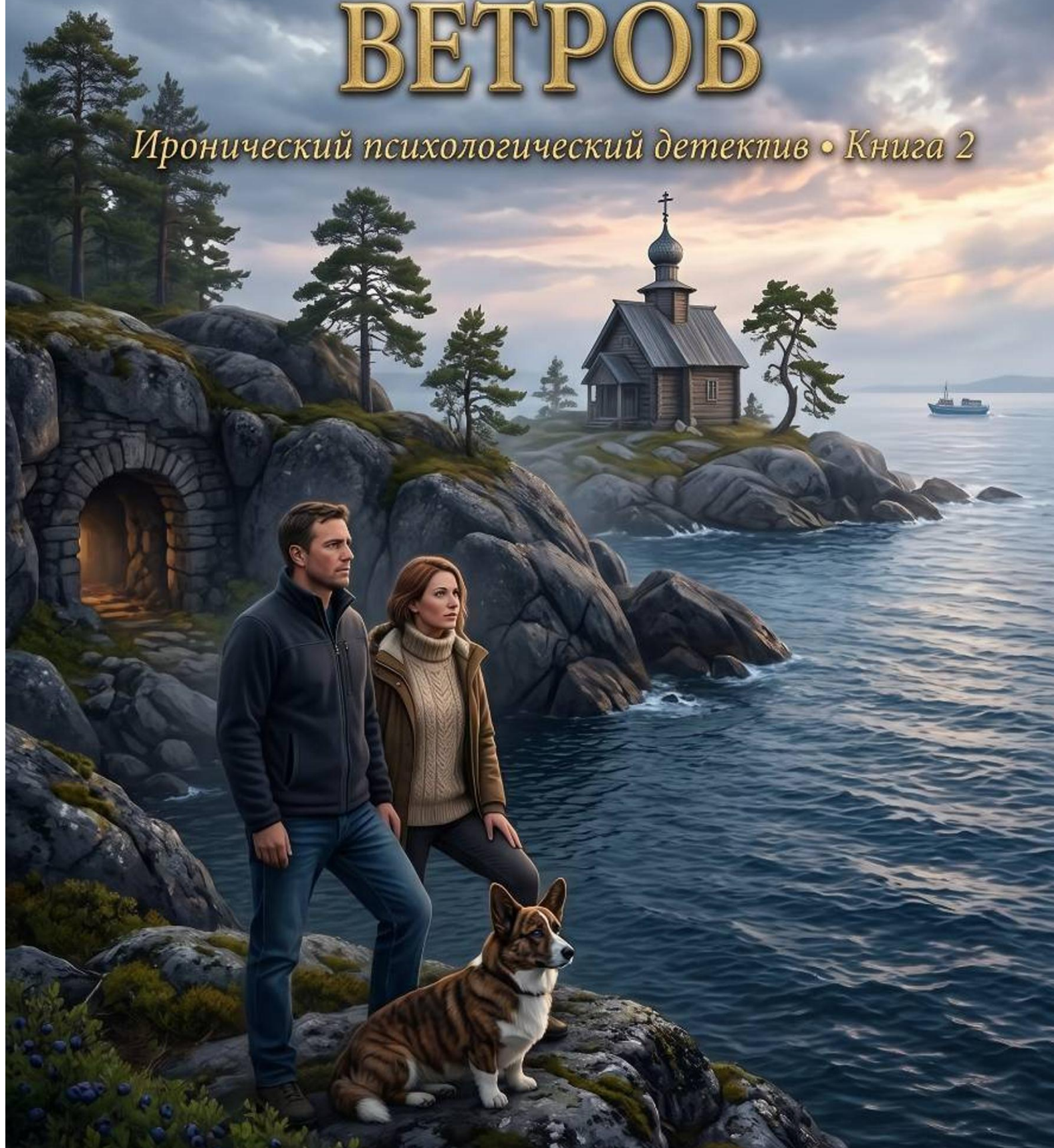

АЛЕКСАНДР ОСИПОВ

СЕВЕРНЫЙ ПРОТОКОЛ

ЭХО ШХЕРНЫХ ВЕТРОВ

Иронический психологический детектив • Книга 2

александр Осипов

**Эхо шхерных ветров (Книга 2
цикла «Северный протокол»)**

«Автор»

2026

Осипов а.

Эхо шхерных ветров (Книга 2 цикла «Северный протокол») /
а. Осипов — «Автор», 2026

Тихий осенний поход за морошкой в лабиринт ладожских шхер оборачивается для кризисного психолога Марка Левина и управляющей отелем Полины Мельниковой новой загадкой. На заброшенном гранитном утесе корги Сартр находит старую деревянную часовню, превращенную в жуткий зеркальный алтарь со свежими свечами и фотографиями студенческой экспедиции 1994 года. На закате того же дня в закрытой бухте находят мертвым высокопоставленного чиновника. В запертом плавучем доме нет следов борьбы — только разбитые зеркала и монотонный вой штормового ветра на магнитофонной ленте. Прошрое, похороненное на дне Ладоги тридцать два года назад вместе с затонувшим катером и погибшими студентами, вернулось в шхеры в облике призрака-мстителя. Марку и Полине предстоит вступить в схватку с чужой непрожитой болью, чтобы остановить катастрофу и предотвратить финальный взрыв среди зеркальных ловушек на скале.

© Осипов а., 2026

© Автор, 2026

александр Осипов

Эхо шхерных ветров (Книга 2 цикла «Северный протокол»)

ЧУЖАЯ КРОВЬ

Семейная сага «Эхо чужой вины» • Книга вторая

Александр Осипов

Авторское предисловие

У лжи есть странное свойство: она может казаться надежным щитом, пока мы малы и беззащитны. Взрослые часто прячут правду из лучших побуждений — чтобы уберечь детское сердце от боли, позора и лишних вопросов. Но зерно истины, зарытое в землю на десятилетия, не умирает. Рано или поздно оно пробивает асфальт привычных представлений о мире.

Если первая часть саги — «Вера. Право на жизнь» — была историей материнского подвига, борьбы женщины за сам факт существования и спасения своего первенца, то эта книга — о цене взросления. О том, что происходит, когда детские иллюзии сталкиваются с неприкрытой реальностью прошлого.

«Чужая кровь» — это путь от мальчика, свято верившего в красивую сказку об отце далеких строек, к мужчине, которому пришлось пройти через чужую вину, отравленную злобу мачехи и найти в себе силы не ожесточиться, а понять человеческую душу во всей ее немощи и величии.

Это книга о прощении, которое выше обиды, и о призвании исцелять чужие душевные раны.

— Александр Осипов

Часть I. Юность среди тополей

Глава 1. Голос эпохи

Возвращение из Калужской области в родной Чингорташ казалось выходом из затянувшегося ледяного кошмара на яркий, ослепительный свет. Южное солнце быстро выжгло из памяти промозглый сырой туман чужого совхоза, серые перелески и глухой стук сапог озверевшего Сергея. Зажили ссадины на лице, перестали ныть ребра, а ночной страх ожидания пьяного скандала постепенно растворился в привычных, родных звуках предгорий.

Шли восьмидесятые годы. Мир вокруг стремительно менялся, сбрасывая с себя застывшую строгость прошлых десятилетий. Перемены докатились и до затерянного среди киргизских сопот нефтяного поселка. Чингорташ зазвучал по-новому. По вечерам у клуба и на школьном дворе собирались стайки подростков. Из портативных двухкассетных магнитофонов «Электроника» и «Романтик», хрипя на севших батарейках, летел бунтарский голос Виктора Цоя: «Перемен требуют наши сердца!». А чуть дальше, под раскидистыми ветвями урюка, девчонки в джинсах-варенках перематывали карандашом кассеты с пронзительными песнями «Ласкового мая» — про белые розы и юношескую тоску.

Саша рос стремительно, словно торопился наверстать то детство, которое у него едва не отобрали. К девятому классу он вытянулся, раздался в плечах, превратившись в высокого, статного юношу. От деда Михаила ему достались крепкие, надежные руки и привычка не бросать слов на ветер, а от матери — темные, внимательные глаза и внутренняя сдержанность. Он был душой компании, но в нем никогда не было показной дворовой удачи. Мальчишки уважительно звали его Саней, зная: если пообещал — сделает, если полезет защищать — пойдет до конца.

Школьная жизнь бурлила: уроки, шумные перемены, сбор макулатуры, дежурства по классу и споры до хрипоты о будущем. Рядом всегда была верная подруга — дочка тети Нины,

его бессменная одноклассница с первого класса. Они вместе сидели за партой, чертили контурные карты, списывали друг у друга физику и химию.

О калужском аде Саша в поселке не рассказывал никому. Ни единой живой душе. Для всех чингорташских ребят у него была ясная, светлая и понятная легенда, которую он сам свято берег в своем сердце. Его отцом был Валера. Тот самый Валера — красивый, широкоплечий великан с открытой улыбкой, который когда-то поднимал его к потолку, пах дорогим одеколоном и привозил из командировок игрушки. Раз в несколько месяцев из сибирских городов и далеких северных промыслов на поселковый почтамт на имя Веры приходили денежные переводы, а Саше — открытки со строгими подписями: «Расти, сын. Учись крепко. Обнимаю, отец».

Для Саши этого было более чем достаточно. Он гордился своим отцом, представляя, как тот стоит на обледенелых вышках где-нибудь в Сургуте или Нижневартовске. Ни тени сомнения не возникало в голове подростка: в свидетельстве о рождении стояла фамилия, дом был полной чашей, а мама Вера, снова заступив на инженерную должность на промысле, оберегала этот хрупкий мир как зеницу ока.

Но в поселке, где все дома стояли окнами друг к другу, прошлое никогда не умирало окончательно. Каждый день, возвращаясь из школы с портфелем через плечо, Саша проходил по соседней улице. И каждый раз он спиной чувствовал чье-то тяжелое, неотрывное присутствие. Там, за выкрашенным серой краской деревянным штакетником, в глубине заросшего вишней сада, сидели на скамейке двое стариков. Они молча смотрели на то, как идет по пыльной дороге высокий вихрастый юноша. Смотрели долго, не отрывая выцветших, полных немой тоски глаз.

Глава 2. Взгляд через штакетник

Дом стариков стоял в тенистом тупике, словно нарочно отгородившись от суеты центральной улицы глухим штакетником и густыми зарослями вишни. В Чингорташе его обходили стороной: не из страха, а из-за того странного, тяжелого холодка, который веет от дворов, где жизнь остановилась много лет назад.

Отец и мать Николая заметно сдали. Горделивая осанка, с которой они когда-то диктовали свою волю сыну, сменилась старческой сутулостью. Отец почти не выходил со двора — сидел на скамье, опираясь узловатыми руками на палку, и подолгу курил дешевые папиросы, глядя в пыльную дорогу. Мать, некогда бойкая, острая на язык женщина, державшая в страхе половину поселковых сплетниц, превратилась в высохшую, сгорбленную старуху в темном платке, надвинутом до самых бровей. Их единственный сын Коля остался далеко в Душанбе. Жизнь, которую старики пытались выстроить по собственному эгоистичному лекалу, растоптав чужую судьбу, обернулась для них полным, звенящим одиночеством в четырех стенах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.